

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ РАСПАДА СССР: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ УГОЛ ЗРЕНИЯ

А.А. Сушенцов

Примечательно, что двадцатая годовщина распада Советского Союза совпала с началом дискуссии о конце той международно-политической эпохи, которая открылась с прекращением СССР. Увязание США и НАТО в локальных конфликтах в Афганистане и Ираке, мировой финансовый кризис 2008–2009 гг., деятельность «группы двадцати» и усиление международной конкуренции на фоне роста могущества прежде периферийных государств, наконец, монументальные общественные сдвиги в арабских странах Ближнего Востока поставили на повестку дня прежде казавшиеся абстрактными проблемы «пробуждения Азии» и даже — «постамериканского мира». В то время как для многих точкой отсчета современной истории продолжает служить распад СССР, становится все более очевидно, что мир вступает в новую эпоху — эпоху прекращения однополярности.

Обстоятельства, сопровождавшие смену международно-политических эпох на рубеже 1980-х и 1990-х гг., требуют внимания, как пример бесконфликтной трансформации конфронтационной системы в условно кооперативную. Признаки подобной смены наблюдаются и сегодня. Важно, чтобы в ходе грядущего пересмотра правил глобального регулирования были учтены уроки начала 1990-х гг.

1

Осмывая последствия распада Советского Союза, любой равнодушный российский наблюдатель неизбежно совершает важную ошибку. Она со-

стоит в игнорировании дистанции между горбачевской политикой «нового политического мышления» и прекратившим СССР беловежским створом. Горечь утраты территориального единства Родины подпитывает общественную критику как самого М.С. Горбачева, так и того политического курса, который предшествовал трагедии распада страны.

Главное, чего не могут простить Михаилу Сергеевичу, — политической слабости в решающий период 1990–1991 гг. Неспособность союзного руководства возглавить начатые в середине 1980-х гг. перемены привела к потере политической инициативы, которая была перехвачена людьми, не до конца осознававшими ценность единства страны. Однако нерешительность не всегда была характерной чертой Горбачева. Там, где его власть до последних дней не оспаривалась, — во внешней политике, он демонстрировал пример показательных достижений. Отметим основные.

Во-первых, группой сторонников Горбачева была успешно проведена переоценка глобальных интересов СССР на основе их деидеологизации. Международная политика Советского Союза была приближена к прагматике и гуманизму. Существовавшая десятилетиями сложная и консервативная система взглядов была заменена на столь же сложную, но более прогрессивную. Это позволило политике Москвы остаться глобальной.

Во-вторых, в конце 1980-х гг. Москва выступила одним из ведущих центров политических инноваций, ресурсом которых до того прочно владели США. Многие из передовых идей последующих двух

десятилетий высказывались в тот период именно в СССР (например, идея «ядерного ноля»). Советское руководство сумело выработать отечественный вариант идеологической платформы глобализации в виде концепции «общечеловеческих ценностей». По своему воздействию она была вполне конкурентоспособна теории либерально-демократической солидарности, ставшей в итоге базовой для 1990-х и 2000-х гг. Сила политических инноваций СССР также состояла в том, что их от Москвы не ожидали. Внешняя политика «нового мышления» была способна удивлять. С середины 1980-х по начало 1990-х гг. Советский Союз прочно удерживал инициативу в международных отношениях.

В-третьих, замысел инициированных СССР международных изменений времен перестройки состоял в умной, но рискованной попытке преобразовать конфронтационную модель биполярности в кооперационную, основанную на сотрудничестве двух сверхдержав и сохранении их преобладания в мировой политике. Неравенство возможностей сторон делало исход этого процесса неопределенным. Однако можно утверждать, что сохранение Союза ССР после 1991 г. могло закрепить складывавшуюся двухполюсную кооперативную модель и отсрочить — если не предотвратить вообще — возможность перехода к однополярности.

Наконец, благодаря политике «нового мышления» сложился новый стиль международно-политического общения, сохраняющийся в практике международных отношений по сей день. По инициативе Горбачева руководители СССР и США резко повысили уровень диалога по стратегическим вопросам, де-факто подчинив его своему личному контролю. Стороны отказались от практики длительной подготовки соглашений на уровне военных экспертов, как это происходило прежде. Поскольку саммиты шли один за другим, сложилась новая практи-

ка ведения военно-политических переговоров. Она указывала на согласие сторон подчинить военно-технические вопросы политическим.

2

Международный авторитет Советского Союза впервые со времени победы в Великой Отечественной войне был устойчиво высок. Однако внутривнутриполитические процессы в стране тормозились, создавая впечатление запаздывания СССР по отношению даже к своим восточноевропейским союзникам. К власти в России пришли радикальные реформаторы, которых не устраивала скорость внутренних преобразований. Б.Н. Ельцин писал в 1990 г.: «Почти в насмешку над нашими четырьмя с лишним годами перестройки за считанные дни и ГДР, и Чехословакия, и Болгария совершили такой скачок из прошлого вперед к нормальному, человеческому, цивилизованному обществу, что уже и неясно теперь, сможем ли мы их когда-нибудь догнать». Действительно, определенное отставание было очевидно, как очевидно и нервически-капризное нетерпение радикалов «догнать и перегнать».

Решительность радикальных реформаторов и консервативных охранителей — другого влиятельного крыла критиков М.С. Горбачева — сочеталась с непоследовательной позицией, которую занимал по вопросу о внутривнутриполитической реформе сам советский президент. В дни августовского путча 1991 г. российский экономист и политик Г. Явлинский заявлял: «Государственный переворот во многом стал возможен вследствие крайне непоследовательного, половинчатого, постоянно колеблющегося поведения М. Горбачева... Особо пагубное значение имели так называемые компромиссы, на самом деле отражающие неспособность понять до конца смысл преобразований, происходящих в стране, зачастую им же инициированных».

На фоне указанных качеств Горбачева Ельцин казался последовательным и решительным реформатором, деятельным творцом своей судьбы. Общественность привлекала прямота и честность президента РСФСР, в которой, правда, некоторые усматривали черты популизма. «Пока мы живем так бедно и убого, я не могу есть осетрину и заедать ее черной икрой, не могу мчать на машине, минуя светофоры и шарахающиеся автомобили, не могу глотать импортные суперлекарства, зная, что у соседа нет аспирина для ребенка. Потому что стыдно». Эти слова Ельцина с изрядной долей правды описывали чувства многих советских людей. В ситуации рубежа 1980-х и 1990-х гг. они производили ошеломляющее и сокрушительное действие на аудиторию. Успешное противостояние с путчистами укрепило позиции и авторитет президента РСФСР. Огонь его критики был нацелен на партийно-бюрократическую номенклатуру, на союзное руководство и аппарат КПСС одновременно. Различить разницу между ними Ельцин не мог или не хотел.

Многие исследователи периода, в том числе д.и.н. А.В. Шубин, отмечали умелое политическое маневрирование инициаторов ликвидации СССР: «Им удалось на короткий, но решающий период создать впечатление, что происходит смена режима, а не изменение государственных границ». После путча 1991 г. и поражения КПСС к смене режима общественное мнение уже было подготовлено, а переименование СССР казалось естественным для значительной части населения. Распад Советского Союза становился реальностью.

Кажется, в тот период в России не нашлось политика, который нашел бы в себе силу духа и смирение произнести: «Мы хотим считать Советский Союз нашей гражданской Родиной, радости которой — наши радости и беды которой — наши беды». Эта фраза, почерпнутая из знаменитой декларации митрополита

Сергия, ставшая символом подчинения Церкви Советскому государству, сейчас звучит как лозунг добровольного самоограничения. Именно этого не хватало российским и советским политикам времен распада СССР. Вот почему хочется согласиться со словами Патриарха Алексия II, сказанными в 1990 г.: «В той ситуации, которая сложилась в нашей стране, по-человечески естественнее было бы избежать власти, бояться брать ее на себя: ведь решений, которые равно удовлетворяли бы нужды всех, боюсь, уже не найти».

Политическая инициатива в международных отношениях, которую в 1985–1991 гг. прочно держал в руках СССР, перешла в 1990-е гг. к США. Последние поняли новую ситуацию как возможность своего усиления. «Схлопывание» внешней политики нашей страны произошло уже после распада СССР, на базе критики наследия Горбачева и резкого сужения ресурсной базы молодой Российской Федерации.

3

Примечательно, что кризис в Советском Союзе заставил США не только праздновать победу, но с тревогой обратиться к собственным внутренним проблемам. В своей речи по случаю распада СССР Президент США Дж. Буш-старший говорил о победе свободы и демократии, но тут же вынужден был делать оговорку: «Я хочу, чтобы американцы знали, что мы настроены бороться с нашими экономическими проблемами с той же решимостью, которая помогла нам одержать победу в холодной войне». Экономическое положение США в конце 1980-х гг. многих заставляло думать, что эра американского лидерства уходит в прошлое.

В конце 1980-х гг. британский историк Пол Кеннеди издал фундированное и резонансное исследование о причинах упадка великих держав, в котором утверждалось, что США находятся в от-

носителем упадке своей мощи из-за «имперского перенапряжения». Кеннеди прогнозировал возвышение Японии. Расхожей фразой в американской публицистике конца 1980-х — начала 1990-х гг. было: «Холодная война окончена; победила Япония».

Удивительно, но даже консервативные американские публицисты, в будущем ярые сторонники неоконсерватизма, говорили об упадке США. Знаковая фигура для американских правых, бывший посол США в ООН Джин Киркпатрик в 1990 г. выступила с идеей о том, что настал конец эпохи, требовавшей от Соединенных Штатов внутренней мобилизации: США стали «нормальной страной в нормальное время». На фоне относительного ослабления США в экономике Киркпатрик требовала от Вашингтона сосредоточиться на внутренних делах: «Мы должны быть обычной державой, а не сверхдержавой. Мы должны подготовиться психологически и экономически к снижению нашего статуса до уровня обычного государства». В новой ситуации «ответственность США как супердержавы кажется менее востребованной для обеспечения безопасности в Европе; ее также стало тяжелее аргументировать и финансировать».

Вышесказанное позволяет лучше понять, в какой психологической атмосфере США застал распад СССР. Находясь под сильным впечатлением от судьбы Советского Союза и его лидера М.С. Горбачева, президент США У. Клинтон заявлял: «Нам необходимо решить, взять ли перемены в союзники или пасть их жертвой». В Вашингтоне началось складывание межпартийного консенсуса, основой которого стало желание необратимости перемен, которые стали происходить в правление Горбачева. Гарантией этого считали системную трансформацию СССР и России через их демократизацию. Таким образом, из внутренней проблемы демократизация превращалась в важнейшую международную.

Параллельно в США формировалось понимание о возможности использовать слабость молодой России в своих интересах. В 1992 г. помощник министра обороны США республиканец Пол Вулфовиц впервые изложил концепцию «односторонних» (*unilateral*) действий, которая основывалась на понимании о том, что «мировой порядок, в конечном счете, держится на США». Вулфовиц писал: «Наша главная задача состоит в предотвращении появления нового соперника... необходимо не допустить доминирования враждебной нам державы в регионах, совокупные ресурсы которых при консолидированном контроле будут достаточны для появления глобальной державы». Фактически Вулфовиц выступил с доктриной военного доминирования Соединенных Штатов, что было шокирующим признанием для эпохи начала 1990-х гг., даже для американской публики.

Подобные размышления не были чужды и демократам. Через год после Вулфовица со своей версией стратегии глобального лидерства выступил помощник по нацбезопасности в администрации Клинтона Энтони Лэйк: «На смену доктрине сдерживания должна прийти стратегия расширения — расширения мирового сообщества свободных рыночных демократических государств». Правда, смысл стратегии «расширения» понимался несколько примитивно: «Мы должны представить свою миссию в сфере безопасности в виде усилий по увеличению территории демократических государств, заштрихованных на карте синим цветом». К 1993 г. демократы вслед за республиканцами осознали: «США — самая сильная мировая держава. Те, кто не разделяет эту точку зрения, недооценивают Америку. ...Наши мощь, авторитет и пример открывают беспрецедентные возможности для осуществления лидерства Америки на практике... если Россия не повернет вспять, то в ближайшее время для нас серьезной угрозы не будет».

Стратегия «расширения демократии» включала в себя систему мер из четырех пунктов: 1) укрепление и расширение «демократического ядра» — сообщества крупных рыночных демократических государств; 2) помощь в консолидации новых демократических государств и рыночных экономических систем везде, в первую очередь в странах, отношения с которыми имеют для США особое значение; 3) отпор агрессорам и содействие либерализации стран, противящихся демократии и рынку; 4) выполнение гуманитарных задач. По существу, указанные политические задачи сформировали основу внешнеполитического курса США на последующее десятилетие.

Так начинался новый период отношений между Соединенными Штатами и Российской Федерацией, от которого каждая из сторон ждала своего. Желание Вашингтона реализовать на практике свои конкурентные преимущества вызвали непонимание и обиду в Москве, которая ожидала от партнера помощи и поддержки не только в демократизации своего строя, но и в укреплении своих международных позиций. Отказавшись от «нового политического мышления», которое новый министр иностранных дел РФ А.В. Козырев называл утопичным, российская дипломатия перешла к не менее спорной платформе. В «kozyревской» Концепции внешней политики РФ 1992 г. говорилось: «На обозримую перспективу отношения с США будут сохранять в шкале приоритетов внешней политики России одно из первых мест... Развитие полнокровных отношений с США способно облегчить создание благоприятной внешней среды для проведения внутренних экономических реформ в России».

* * *

Ключевым последствием кризиса в Советском Союзе была ревизия

ялтинско-потсдамского порядка, основанного на регулируемом противостоянии двух сверхдержав. Нарушение статус-кво в военно-политической и политико-дипломатической сферах в ущерб интересам СССР побудил обе ведущие державы к реформированию существовавшего режима. Этот процесс первоначально проходил на основе согласования интересов, однако ухудшение положения и последовавший распад СССР позволил США в своих действиях учитывать только наиболее важные интересы партнера. Разрушение биполярного мирового порядка не вызвало глобального катаклизма. Войны удалось избежать, однако мир достался дорогой ценой — безопасности и территориальной целостности Советского Союза был нанесен критический удар.

Относительное ослабление США в конце 2000-х гг. открывает новую эпоху многостороннего регулирования международных отношений. Стратегической задачей России на мировой арене остается получение таких конкурентных преимуществ в мировой торговле и разделении труда, которые обеспечат нашей стране сохранение и укрепление ее международных позиций. В значительной степени решение этой задачи будет связано со способностью России стать одним из центров научно-технических и политических инноваций. Резкий рост значимости информационной компоненты ставит задачи по защите государственного суверенитета России в этой области — безопасность и полный суверенитет над средствами связи и спутниковой навигацией, беспрепятственный и скоростной доступ в Интернет, сохранение лидерства в освоении космоса и др. На фоне этих задач осмысление опыта начала 1990-х гг. позволяет переключить внимание с раздумий о потерях нашей страны на поиск новых возможностей.